

Сакраментальная фраза «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, пойдите к нам княжить и владеть нами» напрасно была обращена летописцами XI–XII веков к варягам. Порядок на Руси навела лишь Ольга...

Однако княгиня не ограничилась устройством некоей разновидности оккупационной власти в Деревской земле. Её административно-правовая деятельность охватила все подвластные Ольге земли Руси. С чисто женским стремлением начать с «ликвидации» главных беспорядков в «доме», она двинулась на фактически бесконтрольный Север, плативший при Игоре (согласно «Повести временных лет», и при Олеге) дань варягам. Первым делом привела в порядок Новгород, затем ходила на Мсту, Ловать, во Псков, по Днепру и Десне. Везде Ольга строила «места» и «погосты»: пункты, где чиновники творили суд и собирали с местного населения твёрдо установленные дани – то есть уже налоги. Фиксация их размера была принципиальна для спокойствия государства. Разбросанные по всей стране сёла Ольги – первые устроенные государством населённые пункты.

В лаконичном рассказе о строительстве Ольгой государства на месте прежней деятельности князей-разбойников и варягов есть очень любопытный момент: при всей любви сказителя и летописцев к дружинным подвигам, они вскоре после событий «не помнили», а позже не придумали никаких вооружённых конфликтов! Установить единую княжескую власть и рассадить своих тиунов на огромной территории так, чтобы народ потом с гордостью указывал на сохранившиеся сани Ольги во Пскове или село Олжино на Десне – не просто подвиг. Ольга совершила невозможное, сформировав гражданскую администрацию и сохранив за ней ту треть доходов, которую Вышгород – её резиденция – получал уже не только с древлян, но со всей Руси.

Сказитель и летописцы особо восторгаются дипломатическими способностями Ольги. Мирно установить власть и порядок по всей стране она могла, только убедив влиятельных лиц на местах в выгоде такой организации. Наиболее очевидной выгодой для тех, кого не удовлетворяли плоды натурального хозяйства, было удобство внешней торговли, а самым привлекательным партнёром – легко доступная по воде Византия. Туда Ольга и направилась.

Русский рассказ о её посольстве в Константинополь подтверждён византийскими источниками. Принятая на уровне мелких варварских правителей, княгиня покорно заняла своё место – и осталась стоять, когда все они пали ниц перед императрицей Еленой. Описавший при-

ём в своём трактате «О церемониях» император Константин понял ошибку, лично принял Ольгу и усадил за стол со своим семейством. На парадном обеде лучшие церковные певчие «исполняли императорские гимны, также были играны и всякие театральные игры».

Они обедали в отдельной зале. Княгиня села за стол с Константином, Еленой и их порфирородными детьми: видимо, будущим императором Романом и его молодой женой Феофано, впоследствии определявшей судьбу трона. Ольга получила «на золотом украшенном камнями блюде» 500 монет. Её племяннику вручили 30, людям – по 20 и 15, послам русских князей – по 12 монет, дамам Ольги – по восемь. Младшими были послы Святослава, получившие по пять серебряных монет. Для греков ситуация была очевидной: княгиня единовластно правила Русью, Святослав вряд ли был дееспособным. Константинополь вёл активную торговлю с Русью, и внимательный к церемониям император, тщательно наводивший справки перед приёмом Ольги за столом, сравнивал вес русских властей не на глазок.

Такая расстановка сил объясняет, почему сказитель, весьма польщённый вниманием императора к Ольге, основал описание её посольства на довольно ехидной дружинной байке, популярной в кругу буйных богатырей князя Владимира. Автор знал, что княгиня долго ждала приёма у императора (это сыграло роль в последующем, о чём скажу ниже) и обсуждала с ним серьёзные военные и экономические темы, но байку всё же рассказал. Цесарь, по его словам, сразу позвал Ольгу к себе, а она «пошла к нему, немало не медля». «И увидел её цесарь весьма красивую лицом и смыслящую в премудрости. Удивился цесарь разуму её» и после краткой беседы распалился настолько, что предложил выйти за него замуж. Ольга его намерения «уразумела» и потребовала, чтобы он лично её крестил.

Цесарь выступил восприемником княгини, крещённой патриархом под именем Елена. И немедля продолжил свои домогательства: «Хочу взять тебя в жёны». – «Как ты хочешь взять меня, – заметила Ольга, – окрестив меня сам и назвав своей дочерью? У христиан нет такого закона». Придя в себя, цесарь сказал вельможам: «Перемудрила меня Ольга словами своими!» И богато одарив княгиню, отпустил восвояси, назвав дочерью.

Сказитель предпочёл забыть, что с христианством Ольга была знакома до поездки в Царьград. Несмотря на красивые слова о вере, фактически он отрицал, что княгиня крестилась по убеждению, а не для спасения от сластолюбия цесаря (в реальности – на редкость примерного семьянина).